

Научная статья
УДК 343.13

**ПРИНЦИПЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ
УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Константин Михайлович Алафьев
ГУОООП МВД России, Москва, Россия,
ALAFEV_KM@proton.me, ORCID: 0000-0003-1256-712X

Аннотация. Статья посвящена исследованию принципов государственной защиты участников уголовного судопроизводства. Рассмотрена целесообразность законодательного закрепления дополнительных принципов государственной защиты.

Ключевые слова: принципы, государственная защита участников уголовного судопроизводства.

Для цитирования: Алафьев К. М. Принципы государственной защиты участников уголовного судопроизводства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 1 (107). С. 71–80.

Original article

**PRINCIPLES OF STATE PROTECTION
OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

Konstantin M. Alafiev

Main Directorate for Public Order Maintenance of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia, ALAFEV_KM@proton.me, ORCID: 0000-0003-1256-712X

Abstract. The article is devoted to the research of the principles of state protection of participants in criminal proceedings. The expediency of legislative consolidation of additional principles of state protection is considered.

Keywords: principles, state protection of participants in criminal proceedings.

For citation: Alafiev K. M. Principles of state protection of participants in criminal proceedings // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 1 (107). P. 71–80. (In Russ.)

Введение

Учитывая относительную новизну института государственной защиты участников уголовного судопроизводства (далее также – госзащита) для российского законодательства, теоретическая разработка основополагающих принципов построения нормативной модели Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее – Закон) приобретает особую значимость и актуальность, в том числе и

потому, что принципы права, а следовательно, и законодательства изменяются с развитием общества, права и государства.

Методы

Использовались следующие методы исследования: диалектический, логический, системно-структурный, формально-юридический, системный, сравнительно-правовой.

Результаты

Для определения степени самостоятельности предмета исследования необходимо рассмотреть вопрос о соотношении принципов государственной защиты как правового

института и принципов уголовного процесса как отрасли права. Его решение сводится к определению места государственной защиты в уголовно-процессуальной деятельности.

Государственная защита может осуществляться как на отдельном этапе уголовного судопроизводства, так и перманентно, а в отдельных случаях выходить далеко за его рамки (например, отдельные меры безопасности могут применяться к защищаемым лицам пожизненно) [1, с. 44–48]. Неизменным будет оставаться одно обязательное условие как исходная точка – вовлечение лица в уголовно-процессуальную сферу.

В то же время некоторые исследователи, справедливо и обоснованно ставя под сомнение соседство ряда положений главы 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) как несоответствующих друг другу в «принципиальности», отмечают, что законодательство, регулирующее государственную защиту, по большей части выходит за пределы уголовно-процессуального регулирования [2, с. 28–35].

В этой связи можно говорить лишь об известном влиянии принципов уголовного процесса на государственную защиту в целом, что вполне логично, учитывая обеспечительную направленность госзащиты, ее «встроенность» в уголовный процесс. Исходя из того, что государственная защита – это организационный институт в силу сочетания при ее осуществлении процессуальных и непроцессуальных форм взаимодействия, а также использования мер и средств оперативно-розыскной деятельности [3, с. 38–41], принципы уголовного процесса являются для принципов института государственной защиты определяющими как раз в части, касающейся процессуальных форм взаимодействия.

Отечественная практика соответствует в этом вопросе опыту зарубежных государств. Например, в Испании гарантии, предоставляемые защищаемым лицам, также не могут иметь абсолютный и безграничный характер, то есть не могут на-

рушать принципы уголовного процесса [4, с. 52–55].

В единственном специальном исследовании принципов госзащиты дается их определение как «исходных, основных положений, определяющих назначение данного института и построения всех его стадий и процедур» [5, с. 6], однако не уточняя при этом, о каком именно в данном случае институте идет речь: права или законодательства.

Государственная защита участников уголовного судопроизводства как сфера социальной практики может рассматриваться в нескольких значениях: как область научных знаний; как совокупность норм, правовой институт; как правоприменительная деятельность по реализации мер государственной защиты в виде применения мер безопасности и мер социальной поддержки; как учебная дисциплина.

Бесспорным является то, что это качественно отличающиеся виды деятельности, поскольку у них разные формы, содержание, цели, а следовательно, и принципы. Но основным, центральным элементом указанных значений является именно правоприменительная деятельность, в «гравитационном поле» которой находятся все остальные элементы: нормы права определяют ее порядок, правоприменительную практику и право изучает наука, через которую осуществляется обучение соответствующих специалистов праву, которые впоследствии осуществляют деятельность по его применению.

Какие бы аргументы не приводились в обоснование значимости принципов государственной защиты, их определяющей роли в процессе реализации норм и т. д., все это не может сравниться по социальной и гуманистической важности с реальной деятельностью органов, обеспечивающих государственную защиту в своей ежедневной практике.

Отождествляя принципы госзащиты одновременно как правового института и как деятельности, представляется крайне затруднительным дать такое определение,

которое бы объединяло в себе разные точки зрения на предмет дефиницирования.

Так, например, авторы определения принципов государственной защиты как «общих положений, руководящих начал, пронизывающих весь процесс осуществления государственной защиты»¹ представляют теоретический (научный) подход к пониманию принципов. В то же время определение принципов государственной защиты как правового института будет сводиться к закрепленным в законе положениям, лежащим в его основе.

Существенное различие рассматриваемых подходов, имеющее важное прикладное значение, заключается в том, что принципы, закрепленные в нормах права, адресованы в первую очередь правоприменителю, поскольку являются обязательными к исполнению требованиями закона, в то время как научные, теоретические идеи, носящие абстрактный характер высокой степени обобщенности, адресованы законодателю.

Таким образом, с точки зрения методологии представляется верным рассматривать принципы государственной защиты исключительно применительно к деятельности органов, обеспечивающих государственную защиту, в рамках обособленной совокупности норм.

Отсюда следует и другой вывод, касающийся определения субъекта в аспекте рассмотрения принципов госзащиты. В функционировании института государственной защиты принимают участие различные субъекты: защищаемые лица и органы, обеспечивающие государственную защиту – суд (судьи), должностные лица Следственного комитета Российской Федерации, следователи, руководители следственных органов и др.

Очевидно, что указанные субъекты различаются по объему полномочий, прав и обязанностей, поскольку, например, защищаемые лица не осуществляют в полной

мере деятельность по обеспечению государственной защиты – даже после заключения гражданско-правового договора, предполагающего равенство сторон как одного из характерных признаков гражданских правоотношений, защищаемые лица лишь соблюдают и исполняют нормы права и положения договора, стороной которого являются. То есть правоприменителем в рамках института государственной защиты можно считать только органы, обеспечивающие государственную защиту – именно и только они наделены государственно-властными полномочиями и выступают адресатом норм правового института, касающихся порядка их реализации.

Следовательно, органы, обеспечивающие государственную защиту, являются главными субъектами деятельности по реализации самой государственной защиты, носителями ее качественных свойств, через проявление которых находят свое выражение принципы самой деятельности.

В то же время, ставя знак тождества между лежащими в основе той или иной деятельности основополагающих начал, идей и свойственностью их субъектам этой деятельности, рассмотрение принципов деятельности каждого из субъектов – участников правоотношений, возникающих в сфере госзащиты, с позиций теории функционализма в уголовном судопроизводстве [6] представляется возможным, но для целей познания принципов деятельности в целом вряд ли приемлемым.

Тезис о том, что принципы госзащиты как исходные, основные положения определяют назначение данного института, является неточным. Смещение принципов и назначения государственной защиты недопустимо, поскольку принципы любой деятельности представляют собой суть ее характеристики, они всегда относительны, опосредованы, находятся во взаимосвязи и взаимозависимости от объекта (в данном

¹ Кобцова Т. С., Кобцов П. В., Смушкин А. Б. Комментарий к Федеральному закону от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (постатейный). М.: Новая правовая культура, 2007. 392 с.

случае – деятельности органов, обеспечивающих государственную защиту).

Познание принципов любой деятельности начинается с определения и уяснения сути самой деятельности. Социально-правовая природа института государственной защиты заключается в создании лицам, участвующим в уголовном процессе, условий максимальной защищенности от угроз криминального характера, возникающих в связи с их вовлечением в сферу уголовного процесса.

Можно ли, исходя из приведенного положения, получить представление о принципах государственной защиты? Разумеется, нет, как и не может быть самих принципов до тех пор, пока характерные черты, свойства объекта, не начнут проявляться с началом и через его деятельность, функционирование. Принципы деятельности не могут быть установлены до начала самой деятельности и существовать вне ее.

Принципы государственной защиты вторичны, производны по отношению к ее онтологической сущности, они лишь следуют за объектом и могут быть обнаружены только посредством наблюдения, оценки и анализа деятельности органов, обеспечивающих государственную защиту. Следовательно, перечисленные в статье 4 Закона принципы не являются принципами деятельности органов, обеспечивающих государственную защиту.

Признавая системную близость объекта и его принципов, одновременно отграничивая объект, его назначение, цели и задачи от принципов, полагаем, что поиск проявлений принципов любой деятельности следует осуществлять посредством обнаружения проявления сущностных характеристик объекта исследования, находящихся за пределами самого объекта.

Поиск принципов государственной защиты следует осуществлять в нормах, регламентирующих порядок осуществления и отдельных действий и процедур, устанавливающих связи между ними и их характер. Принципы государственной защиты заключены в этих положениях, являются

их неотделимой частью и проявляются через практическую деятельность органов, обеспечивающих государственную защиту, осуществляющих применение норм законодательства.

Как же в таком случае интерпретировать положения статьи 4 Закона? Содержание указанной нормы составляют юридически оформленные основные положения, закрепляющие наиболее общие свойства института государственной защиты, выражающие его сущность и определяющие его правовое и социальное назначение, которые также являются принципами государственной защиты, но не деятельности, а ее правовой, законодательной основы.

Должностные лица органов, принимающих решение об осуществлении государственной защиты, органов, осуществляющих меры безопасности и меры социальной поддержки, не могут непосредственно применять нормы статьи 4 Закона, они принимают решения и осуществляют конкретные действия, руководствуясь специальными нормами-требованиями, обязательными к исполнению и определяющими их порядок, процедуру, а положения статьи 4 Закона адресованы законодателю, конструирующему юридические нормы в качестве ориентиров.

Однако насколько необходимо декларировать принципы в отдельной статье Закона и затем обеспечивать их реализацию соответствующими механизмами, влияет ли подобный прием юридической техники на эффективность достижения целей и решения задач государственной защиты? Представляется, что подобный прием является результатом советской традиции переносить конституционные положения в «чистом виде» в отраслевое законодательство. Подобное копирование, как правило, осуществляется механически, без учета специфики той или иной отрасли. Само по себе закрепление положений о законности, уважении прав и свобод человека и гражданина, взаимной ответственности и т. д. вряд ли можно рассматривать как формирование самостоятельных принципов той или иной деятельности.

Полагаем, что статья 4 Закона не имеет прикладной значимости, не раскрывает существенных свойств и не оказывает влияние на эффективность госзащиты, ее появление можно объяснить лишь новизной самого института для отечественного законодателя, требующей установления ориентиров для дальнейшего совершенствования государственной защиты.

В качестве альтернативы рассматриваемому приему юридической техники представляется целесообразным расширение практики применения преамбул как наиболее отвечающего смыслу, который законодатель вкладывает при нормативном декларировании конституционных положений в отраслевом законодательстве. И, что примечательно, Закон содержит преамбулу, однако по содержанию она напоминает скорее аннотацию, чем важную часть нормативного акта, в концентрированном виде излагающую «принципиальные положения, побудительные мотивы и цели издания соответствующего акта»¹. Подобный подход законодателя к конструированию нормативных правовых актов может расцениваться как упущение юрико-технического свойства.

Представляется, что именно в преамбуле Закона возможно было закрепить положения, раскрывающие: предмет регулирования (определенный участок общественных отношений), цель (и задачи) правового акта, границы его действия, принципы законодательного регулирования, терминологическую систему, а также положения, отражающие межотраслевые связи. Если бы содержание представленного тезиса было реализовано, то необходимость в статье 4 Закона в ее современном виде отпала бы за ненадобностью, а многие теоретические вопросы, имеющие прикладное значение, получили бы ясность.

Поскольку содержание преамбулы состоит в логической взаимосвязи с основной частью нормативного акта, ее системное толкование позволит не только уяснить

«волю законодателя», но и разъяснить положения основной части в контексте положений преамбулы. Эти свойства позволяют субсидиарно применять положения преамбулы при решении нестандартных вопросов правоприменения. Так же, как, например, Конституционный Суд Российской Федерации основывается на результатах исследования вводных частей юридических актов при принятии решений о квалификации нормативных документов как конституционных или неконституционных [7, с. 7–9].

Представленные выводы предопределяют скептическое отношение к предлагаемым к законодательному закреплению дополнительных принципов государственной защиты [5, с. 7]: «конфиденциальность; целесообразность; сохранение баланса прав стороны обвинения и защиты; установление уголовной ответственности за противоправное воздействие на потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства; обязательная специальная подготовка сотрудников, осуществляющих защиту; поощрение содействия уголовному судопроизводству со стороны преступников». Тем более, что часть предлагаемых к закреплению принципов уже давно содержится и проявляется в нормах отечественного законодательства.

Например, принцип сохранения баланса прав стороны обвинения и защиты: в соответствии с ч. 3 ст. 11, ч. 5 ст. 278 УПК РФ, с одной стороны, суд вправе провести допрос свидетеля без оглашения подлинных данных о его личности (в том числе в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства), с другой стороны, в связи с необходимостью осуществления защиты подсудимого либо установления каких-либо существенных для рассмотрения уголовного дела обстоятельств суд вправе предоставить сторонам возможность ознакомления с подлинными сведениями о свидетеле (ч. 6 ст. 278 УПК РФ).

¹ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. 3-е изд., доп. и прераб. М.: Инфра-М, 2010. С. 403.

В соответствии с законодательством, сведения о лицах, подлежащих государственной защите, относятся к сведениям ограниченного доступа (ч. 3 ст. 9 Закона), но и с другой стороны, информация о деятельности судов является открытой и доступной. Поэтому при поступлении запроса суд не вправе отказать в предоставлении информации, ссылаясь на то, что ее часть относится к информации ограниченного доступа, и обязан предоставить общедоступную часть информации (в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов»¹). И в этих положениях также усматривается проявление принципа сохранения баланса прав стороны обвинения и защиты.

Опыт зарубежных стран в решении проблем использования показаний «анонимных свидетелей» в уголовном процессе носит гораздо более обширный характер. Существенное влияние на совершенствование механизма реализации указанного принципа оказали решения Европейского суда по правам человека [8, с. 83–90].

Органический закон от 23 декабря 19/1994 «О защите свидетелей и экспертов по уголовным делам» (*Ley Orgánica 19/1994, de 23 de diciembre, de protección a testigos y peritos en causas criminales*) – основной нормативный правовой акт Испании, регулирующий вопросы защиты свидетелей в уголовном процессе, имеет в качестве ориентира создание необходимой сбалансированности между правом на процесс со всеми гарантиями и охраной основных неотъемлемых прав свидетелей и их семей [4, с. 52–55].

На основе анализа норм УПК РФ, международных актов и практики Европейского суда по правам человека сформулированы общие выводы об использовании показаний «анонимных свидетелей»: 1) показания «ано-

нимных свидетелей» должны применяться при наличии реальной угрозы безопасности защищаемому лицу; 2) сторона защиты должна иметь возможность участвовать в допросе свидетеля, дающего показания под псевдонимом с помощью применения технических и иных средств, позволяющих обеспечить безопасность защищаемого лица; 3) обвинительный приговор суда не может быть основан только лишь на показаниях «анонимных свидетелей» [9, с. 19–22].

Предложение о необходимости законодательного закрепления принципа установления уголовной ответственности за противоправное воздействие на потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства представляется спорным уже только по причине своей избыточности. Основанием для применения мер безопасности к защищаемым лицам являются данные о наличии реальной угрозы безопасности защищаемого лица, уничтожения или повреждения его имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве (ч. 1 ст. 16 Закона). Угрозы могут иметь разную форму, содержание, самостоятельные исключительные характеристики, но, несмотря на это, все они учтены и содержатся в соответствующих нормах Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и в совокупности представляют действенные уголовно-правовые средства (статьи 119, 163, 296, 309, 318, 321, 205 УК РФ).

Кроме того, возникают определенные сомнения относительно предлагаемого к законодательному закреплению принципа целесообразности с одновременным расширением перечня дополнительных критериев, предусматривающих при решении вопроса о применении ряда мер безопасности учет следующих факторов: степень угрожающей опасности; значимость представленной информации; характер уголовного дела (вид преступления, отягчающие обстоятельства, количество эпизодов, особенности оказы-

¹ Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2012 г. № 35. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ваемого противодействия и т. п.); личные характеристики лица; а также иные факторы [5, с. 17]. В обоснование данного вывода приводятся примеры, в том числе зарубежного опыта регламентации процедур в области государственной защиты.

Действительно, в законодательных актах зарубежных стран содержатся критерии оценки оснований для принятия решения о применении мер безопасности к защищаемым лицам. Так, например, в США в Законе о защите жертв и свидетелей преступлений от 12 октября 1982 г. (Victim and Witness Protection Act of 1982 (Public Law. 97–291 – Oct. 12. 1982)) и Законе об усилении безопасности свидетеля от 12 октября 1984 г. (Witness Security Reform Act of 1984 (Public Law. 98–473 – Oct. 12. 1984)) содержатся положения, согласно которым одним из оснований применения уголовно-процессуальных мер безопасности в отношении лиц, содействующих правосудию, помимо прочих, является доказательственная ценность их показаний для уголовного дела [10, с. 22].

С позиций правовой аксиологии подобный подход представляется как минимум дискуссионным. Полагаем, что так же как неприемлем арифметический подход к оценке доказательств, так и не может ставиться в зависимость принятие решения об осуществлении государственной защиты от доказательственной ценности показаний лица в качестве необходимого условия применения к нему мер безопасности.

Доказательственная ценность показаний – критерий оценочный, часть 1 статьи 17 УПК РФ декларирует принцип свободы оценки доказательств, согласно которому судья, следователь, дознаватель должны оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на их совокупности, руководствуясь при этом законом и совестью. Таким образом, свобода оценки доказательственной ценности показаний предоставляет должностным лицам органов, принимающих решение об осуществлении государственной защиты, широкие пределы усмотрения, что таит в себе опасность необоснованного применения

исключений из общих правил в ущерб безопасности лиц, находящихся под угрозой.

Кроме того, полагаем, что предлагаемый к закреплению принцип целесообразности вступает в противоречие с положениями части 2 статьи 17 УПК РФ, устанавливающими запрет на придание доказательствам заранее установленной силы. На проблемы, связанные с наличием черт негативной теории формальных доказательств в современном российском уголовном процессе, указывают ряд исследователей этого вопроса, отмечая, что действительно практикуемая система оценки доказательств не является свободной, а представляет собой не вполне развернутую, замаскированную древнюю теорию формальных доказательств [11; 12].

Часть 3 статьи 6 Закона в качестве дополнительных критериев осуществления мер безопасности устанавливает, что переселение на другое место жительства, замена документов, изменение внешности, изменение места работы (службы) или учебы применяется только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях. Но вывод о том, что таким образом нашел свое частичное отражение принцип целесообразности, неверен, поскольку данное правило связано не с доказательственной ценностью показаний для уголовного дела, не со «сложившейся следственной ситуацией, процессуальным статусом участника, субъекта криминалистической деятельности и соответствия требованиям обеспечения безопасности конкретных лиц в указанной ситуации» [5, с. 16–17], а в первую очередь с характером угроз безопасности, их устойчивостью и реальностью потенциальной актуализации, то есть речь идет об адекватности, соответствии и соразмерности принимаемых мер этим угрозам.

Единственным условием осуществления в отношении участников уголовного судопроизводства государственной защиты должна являться причинная связь между вовлечением лица в сферу уголовного процесса и возникновением угроз криминального характера его безопасности.

Обязательная специальная подготовка сотрудников, осуществляющих защиту, как принцип также реализован. Так, например, в ведомственной системе образовательных организаций Уфимский юридический институт МВД России наделен функцией учебно-научного центра по реализации приоритетного профиля подготовки специалистов подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих госзащите¹. Но на первоначальном этапе становления института государственной защиты отсутствие профессиональных кадров действительно было одной из проблем, требующих первоочередного решения [13, с. 4].

Поощрение содействия уголовному судопроизводству со стороны преступников как принцип находит свое отражение в нормах зарубежного законодательства. Так, например, в США на законодательном уровне закреплено положение, согласно которому судья вправе смягчить наказание подсудимым, которые существенным образом помогли следствию или прокуратуре, более того, указанные лица могут претендовать на четверть стоимости имущества того подсудимого, на которого предоставлена разоблачающая информация [10, с. 22].

Полагаем, что сам факт обеспечения государственной защиты как отраслевой гарантии, наряду с уже имеющимися уголовно-правовыми средствами (досудебное соглашение о сотрудничестве, назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств: явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изблечению и уголовному преследованию других соучастников преступления и др.) является достаточным фактором стимулирования защищаемых лиц к сотрудничеству.

В противном случае институт государственной защиты перестанет быть отраслевой гарантией и станет инструментом манипулирования, превращаясь, по сути, в привилегии и иммунитеты [14; 15], то есть совокупность норм, которые обеспечива-

ют либо преимущественное положение защищаемых лиц, несмотря на имеющуюся возможность для реализации прав и обязанностей в общем порядке, либо вообще их изъятие из сферы уголовного закона и исключение из общего порядка применения мер уголовного принуждения в связи с совершенным преступлением и прекращением (разрывом) конкретного правоотношения, возникшего в связи с юридическим фактом при участии указанных лиц.

Подобный подход должен распространяться не только в отношении подозреваемых, обвиняемых и подсудимых, но и в отношении всех иных защищаемых лиц. Применяемые меры безопасности, особенно связанные с изменением индивидуализирующих признаков, предоставляют защищаемым лицам широкие возможности для злоупотреблений, например, в виде уклонения от исполнения обязательств гражданско-правового характера, введения в заблуждение третьих лиц с противоправными (корыстными) мотивами, совершения мошеннических действий и т. п.

Предложенные выводы соответствуют подходу, базирующемуся на том положении, что государственная защита должна восприниматься не как награда защищаемому лицу за сотрудничество с правоохранительными органами, а как уникальное средство защиты жизни свидетеля и оказания поддержки системе уголовного правосудия [16, с. 23].

С практической точки зрения гораздо эффективнее сосредоточить усилия на формировании рабочих норм законодательства, регулирующих государственную защиту, как носителей свойств, характеризующих государственную защиту на уровне принципов. Так, например, не решен проблемный вопрос реализации положений части 3 статьи 4 Закона о недопустимости ущемления жилищных, трудовых, пенсионных и иных прав защищаемых лиц, в связи с применением мер безопасности. На декларативность этой нормы справедливо указывалось еще в 2009 году [5, с. 15], но до настоящего време-

¹ О профилизации образовательных организаций МВД России : приказ МВД России от 29 августа 2012 г. № 820. Доступ из справ.-правовой «КонсультантПлюс».

ни соответствующие изменения в законодательство не внесены.

Кроме того, на законодательном уровне остаются нерешенными вопросы обеспечения имущественных и личных неимущественных прав как самих защищаемых лиц, так и третьих лиц, чьи права и законные интересы могут быть нарушены в связи с осуществлением государственной защиты. В этой связи полагаем, что законодатель на момент принятия Закона не учитывал перспективу возникновения правовой неопределенности в указанной сфере, что является следствием слабой теоретической разработки вопросов, связанных с реализацией гражданско-правового статуса защищаемых лиц на концептуальном уровне, и объясняется относительной новизной рассматриваемого

института. В противном случае, представляется, что часть 3 статьи 4 Закона могла быть изложена в следующей редакции: «Применение мер безопасности не должно ущемлять жилищные, трудовые, пенсионные и иные права защищаемых лиц, а также права и законные интересы третьих лиц».

Заключение

Проведенный анализ позволяет определить принципы государственной защиты участников уголовного судопроизводства (деятельности органов, обеспечивающих государственную защиту) как нормативно-закрепленные, исходные, основные положения, носящие обязательный характер требований, правил, и действующие в масштабах и в отношении всех стадий, процедур и отдельных действий государственной защиты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алафьев К. М. Инсценировка смерти защищаемого лица как мера безопасности // Российский следователь. 2019. № 10. С. 44–48
2. Безруков С. С. Логические изъяны содержания отдельных принципов уголовного процесса // Журнал российского права. 2013. № 7. С. 28–35.
3. Краснова К. А. Правовые и организационные основы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства органами внутренних дел // Российский следователь. 2015. № 22. С. 38–41.
4. Трофимец А. М., Трофимец И. А. Государственная защита и ответственность свидетелей по законодательству Испании (краткий обзор) // Адвокатская практика. 2014. № 2. С. 52–55.
5. Томилова Н. С. Принципы государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 20 с.
6. Берова Д. М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 48 с.
7. Лутова Л. К. Преамбула нормативного правового акта (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2011. 40 с.
8. Карибов К. Ф. Проблемы использования показаний анонимных свидетелей в уголовном процессе в свете решений Европейского суда по правам человека // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2001. № 5. С. 83–90.
9. Тисен А. В., Тисен О. Н. Применение показаний анонимных свидетелей в свете принципа состязательности // Адвокатская практика. 2007. № 4. С. 19–22.
10. Зайцев О. А. Механизмы обеспечения безопасности свидетелей в Соединенных Штатах Америки // Международное уголовное право и международная юстиция. 2012. № 2. С. 21–23.
11. Аверина Ю. А. Теория формальных доказательств и судебное правоприменение // Правоведение. 2006. № 5. С. 233–242.
12. Ищенко П. П., Ищенко Е. П. Ключевые проблемы уголовного судопроизводства // Lex russica. 2016. № 9. С. 230–241.
13. Алафьев К. М. Условия развития государственной защиты лиц, содействующих правосудию // Государственно-правовые отношения в России XXI века: материалы Межвузовской научно-практической конференции аспирантов и соискателей. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. С. 3–4.

14. Красильников А. В. Уголовно-процессуальные привилегии отдельных категорий лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 23 с.
15. Лоскутова Т. А. Привилегии и иммунитет свидетеля в уголовном процессе Англии и США // Уголовное судопроизводство. 2007. № 4. С. 43–47.
16. Краснова К. А. Институциональные основы защиты свидетелей в Европейском союзе // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. № 1. С. 20–23.

REFERENCES

1. Alafiev K. M. Staging the death of a protected person as a security measure // Russian investigator. 2019. No. 10. P. 44–48 (In Russ.)
2. Bezrukov S. S. Logical flaws in the contents of certain principles of criminal procedure // Journal of Russian Law. 2013. No. 7. P. 28–35. (In Russ.)
3. Krasnova K. A. Legal and organizational framework for prevention of crimes against participants in criminal proceedings by the internal affairs authorities // Russian investigator. 2015. No. 22. P. 38–41. (In Russ.)
4. Trofimets A. M., Trofimets I. A. State protection and responsibility of witnesses under the law of Spain (brief overview) // The Practice of Lawyers. 2014. No. 2. P. 52–55. (In Russ.)
5. Tomilova N. S. Principles of state protection of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings: abstract dis. ... Cand. of Law. M., 2009. 20 p. (In Russ.)
6. Berova D. M. The basics of the theory of functionalism in criminal proceedings: abstract. dis. ... Doc. of Law. Rostov-on-Don, 2011. 48 p. (In Russ.)
7. Lutova L. K. Preamble of the normative legal act (problems of theory and practice): abstract dis. ... Cand. of Law. Nizhniy Novgorod, 2011. 40 p. (In Russ.)
8. Caribov K. F. Problems of the use of anonymous witness statements in criminal proceedings in light of the decisions of the European Court of Human Rights // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. 2001. No. 5. P.83–90. (In Russ.)
9. Tisen A. V., Tisen O. N. Application of anonymous witness statements in the light of the principle of adversarial law // The Lawyer Practice. 2007. No. 4. С. 19–22. (In Russ.)
10. Zaitsev O. A. Mechanisms for the Security of Witnesses in the United States of America // International Criminal Law and International Justice. 2012. No. 2. P. 21–23. (In Russ.)
11. Averina Y. A. Theory of formal evidence and judicial enforcement // Legal studies. 2006. No. 5. P. 233–242. (In Russ.)
12. Ishchenko P. P., Ishchenko E. P. Key problems of criminal proceedings // Lex russica. 2016. No. 9. P. 230–241. (In Russ.)
13. Alafiev K. M. The conditions for the development of state protection of persons who promote justice // State-legal relations in Russia of the XXI century: materials of the Inter-university scientific and practical conference of graduate students and applicants. 2005. SPB: Published by the SPbGUP, 2006. P. 3–4. (In Russ.)
14. Krasilynikov A. V. Criminal procedure privileges of individual categories of person: abstract dis. ... Cand. of Law. M., 2006. 23 p. (In Russ.)
15. Loskutova T. A. Privileges and immunity of a witness in criminal proceedings between England and the USA // Criminal proceedings. 2007. No. 4. P. 43–47. (In Russ.)
16. Krasnova K. A. Institutional framework for witness protection in the European Union // International criminal law and international justice. 2014. No. 1. P. 20–23. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.10.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 21.03.2025.

The article was submitted 06.10.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 21.03.2025.